

ПОСЛЕДНЯЯ НОВОСТЬ

ПЯТНИЦА, 9 НОЯБРЯ 1934
 VENDREDI, 9 NOVEMBRE 1934

НОМЕРЪ
 50 cent.

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА ПОДЪ РЕДАКЦИЕЙ П. Н. МИЛЮКОВА
 Quotidien Russe "LES DERNIERES NOUVELLES" Directeur P. N. MILIOUKOV

LE NUMERO
 EN FRANCE 50 cent.

ПЯТНИЦА, 9 НОЯБРЯ 1934
 VENDREDI, 9 NOVEMBRE 1934

№ 4978
 15^e
 ANNEE
 312

ABONNEMENT AUX «DERNIERES NOUVELLES»
 (Partant du 1er et 15 de chaque mois)
 ПОДПИСКА НА «ПОСЛЕДНІЯ НОВОСТІ»
 (з 1-го и 15-го числа каждого месяца)

	1 мѣс.	3 мѣс.	6 мѣс.	1 годъ
Во Франціи . . . France . . .	14	40	75	145
За-границей . . . Etranger . . .	25	70	135	265

Перемена адреса — 1 фр. — Changement d'adresse — 1 fr.

Подписка принимается в Конторѣ газетъ
 и въ всѣхъ почтовыхъ отделенияхъ.
 Цена за 1 номеръ — 50 сент.
 За-границей — 90 сент.
 Приемъ объявленій въ Конторѣ газетъ.

On s'abonne aux Bureaux du Journal
 et dans tous les Bureaux de Poste
 La numéros Paris et Département — 50 c.
 Etranger — 90 cent.
 Annonces : aux Bureaux du Journal

ADRESSE DE LA REDACTION ET DE L'ADMINISTRATION
 Адресъ Конторы и Редакціи
 51, Rue de Turbigo, 51 — Paris III (Métro: Arts et Métiers)

Телефонъ редакціи . . . TURBIGO 51-52
 конторы . . . ARCHIVES 55-00
 отд. объявленій . . . TURBIGO 51-20, 51-21

Ночной телефонъ редакціи (послѣ 9 час. вечера):
 PROVENCE 78-17

Телеграфный адресъ Adresse télégraphique
 DERNOUVED PARIS 03

№ 4978
 15-й ГОДЪ
 ИЗДАНІЯ
 312

Последние годы А. П. Чехова

В России готовится к изданию «Переписка А. П. Чехова с О. Л. Книппер». Благодаря любезности одного из иностранных издателей, получившего для перевода текст первого тома этой переписки, нам удалось ознакомиться с его содержанием.

Он включает 265 писем, телеграмм и записок обоих корреспондентов. Переписка начинается с 16 июня 1899 года и заканчивается в первом том датою 15 сентября 1901 года.

Изданию предпослана обширная статья редактора А. Дермана и небольшой очерк о Чехове самой О. Л. Книппер, в котором она рассказывает о своем знакомстве с Чеховым, дает краткий свідѣніи о себѣ, сообщает о жизни Чехова в последний его период и рисует ее конец, — неожиданную смерть внезапно ослабшаго писателя ночью в отеле немецкого городка Баденвейлера.

Для биографии Чехова это издание будет очень ценным: в нем почти до мелочей все события жизни писателя за последние годы, вся канва его существования из дня в день.

Переписка дает и полную картину отношений Чехова с Московским Художественным театром. Постановкой «Чайки» утвердилась тесная связь между автором и молодым тогда театром; и в Чехове с этой поры драматургия получает переписку с театром.

Для истории самого Художественного театра письма О. Л. Книппер, написанные всегда под сѣвѣнным впечатлѣніемъ разныхъ событий изъ театральной жизни, текущей работы режиссеров и артистов, — драгоценная своей непосредственностью летопись первых годов существования этого театра, яркая, содержательная. Интересно переписка и для ознакомления с процессом творчества Чехова в последние годы его жизни. Несколько молодой Чехов писал быстро и легко, настолько теперь он работает с трудом, с большими потребностями, иногда очень долго забрасывая начатое им произведение. И происходит это не только потому, что в артельный период его требовательность к себѣ неизменно повышается. Ощущается в Чехове, независимо от ослабляющей его бо-

лезни, какая-то большая внутренняя усталость. Порою кажется, что он пишет по необходимости, потому что ему нельзя не писать. Иногда он мечтает о том, чтобы «не писать бы лѣтъ пять, а потомъ записать».

Но основной интерес, возбуждаемый у читателя «Перепиской», обращен к главному ее содержанию — к жизни сердца Чехова. Редактор издания, в своей вступительной статье, говорит:

«...В чеховском эпистолярном наследии существовать до сих пор один существенный пробѣлъ... не было писем к любимой женщинѣ. О том, какой пробѣлъ составляет отсутствие таких писем в переписке писателя, можно составить себе представление, если мысленно изъять соответственные письма Пушкина, Тургенева, Толстого, Герцена из полного собрания их писем».

На это приходится отвѣтить, что если А. Дерман и прав в своем стремлении к полноте эпистолярного наследия всякого крупного писателя вообще, то уже никак не прав в своей параллели чеховских писем к «любимой женщинѣ» — как они незначительны, вялы и блѣдны рядом с «соответствующими» письмами Пушкина, Тургенева, Толстого, Герцена!

Но как раз с этой стороны они представляют большой интерес: дополняя знакомый нам облик Чехова, дают ключ к пониманию некоторых сторон его творчества, именно ущербности этого творчества.

Чехов так и не написал ни одного романа, хотя не раз говорил, что хочет приняться за роман, как будто даже начинал его. Не потому ли это произошло, что он был покладистым *rag excellence* и не привык, как он сам признавался, «писать длинно».

Не вѣрѣ ли будетъ сказать, что Чехов внутри самого себя не находил ничего соответствующаго роману?

Чехов был исключительно мастером эпизода, этюда, но не изображением человеческой жизни, человеческой души во всей их полнотѣ. Сжатость и краткость характерны не только для внешней формы его произведений: в самих героях Чехо-

ва ощущается эта сжатость, урѣзанность, а иногда искалченность их внутреннего мира, их бытія. Доктор Рагин в «Палатѣ № 6», весь поглощенный чтеніем и размышленіями надъ прочитанным, — один из таких «сокращенных» чеховских героев: кромѣ мыслительных способностей, все его существо точно поражено параличем. Профессора Николая Ивановича в «Скудной исторіи» «сократили» болѣзнь и старость; «Юныча» и многих других — пошлость. Пѣвильный образ Лины в «Въ оврагѣ» художественно цельен, но это образ почти святого существа. Здѣсь «сокращенность» дана уже по другой линіи, — по линіи приращенной или достигнутой «безплотности» духовно одаренных людей, изображеніе которых особенно удавалось Чехову.

Любви Чехов, во всей его силѣ, Чехов никогда не писал. Он одинаково не знает как «буря страстей», так и обогашающую душу радостного подъема любви, его звуковъ, красокъ.

В жизни самого Чехова, на протяжении его юности и молодости, мы не встрѣчаем ни малѣйшаго намека на какое-нибудь сильное чувство. Во всей его перепискѣ с немногими лишь корреспондентами, очень задушевной и откровенной, по этому поводу звучат только ироническія нотки, вроде замѣчания о том, что радости понимать на удочку хорошаго друга выше всѣхъ радостей любви...

И, вотъ, подъ конецъ жизни, у Чехова завязывается романъ. Романъ съ женщиной совсѣм не изъ той среды, въ которой выросъ онъ самъ, и которая, — несомнѣнно, наложила отпечатокъ на его вкусъ, привычки, на его представленія о семейномъ бытѣ, хотя Чеховъ усиленно старался себя перевоспитывать, стремился достигнуть максимальной культурности во всѣхъ мелочахъ. Въ связи съ постановкой и успѣхомъ «Чайки» въ Художественномъ театрѣ, не только у самого автора, но и въ его семьѣ радостно приподнятое настроеніе. Эта веселась съ такимъ позоромъ когда-то провалилась на сценѣ Александринскаго театра Чехова тогда осуществили. Въ его очень удачной литературной карьерѣ провалъ «Чайки» былъ ужаснымъ ударомъ, мучительнымъ воспоминаніемъ. Въ Художественномъ театрѣ, при постановкѣ «Чайки», лучшую женскую роль исполняетъ О. Л. Книппер, молодая артистка, попавшая на недоступные ей до тѣхъ поръ театральные подмостки изъ нѣсколькихъ чопорной семьи случаевъ.

Она, лишь, послѣ смерти отца, когда пошатнувшееся матеріальное положеніе, вмѣстѣ съ необходимостью заработка, дало ей свободу осуществить свое призваніе. Она сама признается, что росла до тѣхъ поръ «барышней», которая дома серьезно занималась музыкой, усиленно обучалась иностраннымъ языкамъ. Попадаетъ она въ только что возникшій театръ К. С. Станиславскаго и В. П. Немировича-Данченко, гдѣ все новое, «особенное», въ которомъ вся труппа сплочена и проникнута энтузіазмомъ обновленнаго театральнаго творчества. И у театра оказывается «свой писатель» — Чеховъ. Успѣхъ Чехова и успѣхъ театра — общій. Чеховъ заранѣе уже окруженъ ореоломъ. При такой обстановкѣ, происходитъ знакомство. Сестра писателя, несомнѣнно, видитъ въ лицѣ О. Л. Книппер ту, которая способствовала успѣху пьесы. Съ этимъ же чувствомъ, вѣроятно, встрѣтила О. Л. Книпперъ въ чеховской усадьбѣ «Мемехово», куда ее привозитъ на три дня сестра Чехова, и вся его семья. Въ этой семьѣ, во всемъ укладѣ ея жизни, должно было ощущаться «смишеніе атмосферы»: съ одной стороны, знаменитый писатель, приносимый имъ духъ артистической богемы, у застѣчивыхъ людей связаный съ дѣланной непринужденностью, съ другой — крѣпкое устои мелкой купеческо-мѣщанской среды Таганрога, въ патриархальныхъ родителяхъ Чехова, неловко приспособляющихся къ новой жизни ихъ сына...

Для О. Л. Книпперъ все это невиданное, непохожее на прежній укладъ ея жизни. И какъ театръ явился для нея другимъ миромъ, захватившимъ ее, так и писатель Чеховъ и окружающая его домашняя обстановка пришли изъ другого мира. И, конечно, она пыталась совершенно искренно понаблюдать въ тонѣ разныхъ словечекъ, шуточекъ и остротъ, отъ которыхъ порой отдавало прежнимъ Антошей Чехонте изъ «Развѣченія» и «Осколковъ».

О. Л. Книпперъ не пишетъ объ этомъ въ очеркѣ своихъ воспоминаній, но во всей перепискѣ, то тутъ, то тамъ сквозитъ отъношеніе не во всемъ удававшееся соединеніе двухъ людей изъ совершенно различной среды, при всемъ томъ, что эти люди, каждый по своему, искренно и глубоко любили другъ друга.

Очень характерно первое письмо Чехова для самого стиля его подхода къ поправившейся ему женщинѣ. Вступительный аккордъ сразу опредѣляетъ весь тонъ дальнейшей личной любовной лирики Чехова: напуганная развязность, совершенно лишняя того остроумія, которымъ отличался Чеховъ-писатель, досадно искажаетъ все, правда, вездѣ очень скупыя высказыванія его чувства. Вотъ это первое письмо цѣликомъ. Оно написано безъ обращенія:

«Что же это значитъ? Гдѣ? Вы такъ упорно не шлете о себѣ вѣстей, что мы торжествуемъ въ догадкахъ и уже начинаемъ думать, что вы забыли насъ и вышли на Кавказъ замужъ. Если въ самомъ дѣлѣ вышли, то за кого? Не рѣшили ли вы оставить сцену?»

Авторъ забытъ, — о, какъ это ужасно, какъ жестоко, какъ вѣроломно! Всѣ шлютъ вамъ привѣтъ. Новаго ничего нѣтъ. И мухъ даже нѣтъ. Ничего у насъ нѣтъ. Даже телата не кусаются.

Я хотѣлъ тогда проводить васъ на вокзалъ, но, къ счастью, помѣшалъ дождь.

Былъ въ Петербургѣ, снимался въ двухъ фотографіяхъ. Едва не замерзъ тамъ. Въ Ялту поѣду не раньше начала Іюля.

Съ вашего дозволенія, крѣпко жму вамъ руку и желаю всего хорошаго

Вашъ А. Чеховъ.

Въ кульминаціонный моментъ романа письма Чехова не становятся содержательными. Шуточки переходятъ съ жалобами на то, что ему «скучно» безъ О. Л. Книпперъ. Сообщенія его о себѣ даютъ сухой перечень мелочей. Такъ, въ одномъ письмѣ являя Ниццы мы читаемъ: «Дуся моя, пришли мнѣ сюда свою фотографію. Вудъ милой, пришли. У насъ много мухъ. Встрѣчаю русскихъ» и т. д. Онъ очень любитъ письма О. Л. Книпперъ, дѣйствительно непохожія на его собственныя, перечитываетъ ихъ. Одинъ разъ, точно проговариваясь, пишетъ: «твои письма дѣйствуютъ на меня, какъ соловьиное пѣніе», называетъ ихъ «поэтическими». Но въ самомъ Чеховѣ, при огромной его нѣжности къ женѣ, чѣмъ дальше, тѣмъ больше нарастающей, мы не слышимъ никакой внутренней музыки. И впечатлѣніе получается такое, что онъ какъ-то незамѣтно для себя, привыкнувъ къ мысли, что онъ полюбилъ, и уже постепенно проставъ въ потребность любить. Но любовь не освѣтила и не расцвѣтила его изнутри. Въ самой его тоскѣ по О. Л. Книпперъ, въ періоды ихъ разлуки, когда она играла въ театрѣ въ Москвѣ, а онъ жилъ въ Ялтѣ или за-границей, ощущается что-то скучливое, сѣрое, нужно однообразное, похожее на привычную лому застарѣлаго ревматизма. Въ ея письмахъ

послѣ разставанія порой звучатъ слезы, острая боль. Выливается кипучая женская душа. Чеховъ безконечно ласковъ, прочно привязанъ и уныло монотоненъ и въ своихъ любовно нежныхъ прозвищахъ, которыми онъ давалъ женѣ, и въ краткихъ сообщеніяхъ с томъ, какъ онъ въ вагонѣ пилъ чай, дома принималъ лѣкарство, какъ ему мѣшали посѣтителю работать. Ни слова о своихъ мысляхъ, о своей внутренней жизни.

Письма отрывисты, наполнены сообщеніями о погодѣ, похожи на записки безсодержательнаго дневника. Оживаетъ онъ лишь, когда дѣло касается постановки и исполненія его пьесъ. Кажется, что пишетъ очень старый, чрезвычайно утомленный человекъ, которому нечего сказать даже самому дорогому существу, столь же ему необходимому, какъ теплый воздухъ для больныхъ его легкихъ. Онъ и самъ признается, въ отвѣтъ на жалобу жены на краткость писемъ: «Впрочемъ, я мыслю у меня теперь разгонистыя, слѣва вымыслилъ успѣлъ двѣтри слова, какъ я сталъ уже точку». Въ свое время, въ письмахъ къ Суворину, мысли Чехова были очень «разгонистыя», но то была дружеская переписка, а не любовная. Есть люди, у которыхъ, даже при наличіи и сильной страсти и большой привязанности, чувство какъ-то не задѣваетъ глубины ихъ души, не пробуждаетъ потребности въ духовномъ единеніи; своей внутренней жизни они неспособны раздѣлять въ любви. Видно, такимъ былъ и Чеховъ. Ему было что писать его друзьямъ, но «любимой женщинѣ», умной, талантливой, чуткой, кромѣ шутокъ и нѣжныхъ словъ, сказать было нечего.

Такъ и въ своей личной жизни до послѣднихъ ея минутъ Чеховъ остался такимъ же «сжатымъ» и «сокращеннымъ», какимъ былъ въ своемъ творчествѣ.

О. Л. Книпперъ вспоминаетъ, что онъ очень любилъ шутить и смѣяться. Всего за нѣсколько часовъ до своей смерти, онъ сочинялъ при ней вслухъ смѣшной рассказъ. А вотъ, что она говоритъ о его самыхъ послѣднихъ минутахъ... «Пришелъ докторъ, велѣлъ дать шампанскаго. Антошъ Павловичъ сѣлъ и какъ-то значительно громко сказалъ доктору по-нѣмецки (онъ очень мало зналъ по-нѣмецки): «Ich sterbe». Потомъ взялъ бокалъ, повернулъ ко мнѣ лицо, улыбнулся своей удивительной улыбкой, сказалъ: «Давно я не пилъ шампанскаго...», покойно вынулъ все до дна, тихо легъ на лѣвый бокъ и вскорѣ умолкнулъ навсегда.

М. Курдюмовъ.

М. Курдюмовъ.